Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Кому принадлежит русская культура?

23.02.2026.

Photo © N. Sikorsky

Ровно 12 лет назад, 23 февраля 2014 года, я находилась в Сочи. Мой тогдашний партнер по Нашей Газете – сеть швейцарских частных клиник, в конце 2022-го предупредившая о расторжении наших деловых отношений – сделал мне королевский подарок: приглашение на два лица на церемонию закрытия Олимпийских игр. Я в свою очередь сделала подарок своему старшему сыну, и мы отправились, очень довольные.

Той Олимпиаде предшествовали призывы к бойкоту и предсказания катастрофического провала. Но ничего подобного не произошло. Все «шло по плану» и было организовано с точностью швейцарских часов, в разных видах украшавших Дом Швейцарии в Сочи, а церемония закрытия на стадионе Фишт – случайно или по умыслу совпавшая с отмечающимся в России Днем защитника Отечества – вошла в

историю Олимпийского движения как самая интеллектуальная. «Россия выполнила обещанное!», - заявил в ее финале президент прописанного в Лозанне Международного Олимпийского комитета Томас Бах, месяц спустя награжденный российским Орденом Почета.

Дом Швейцарии в Сочи © N. Sikorsky

Разумеется, я не знала, каковы были эти обещания, а потому смотрела церемонию просто как зритель, переживая давно не испытываемое чувство гордости за свою страну и наслаждаясь восторгом своего ребенка, который, как выяснилось, знал все слова российского гимна и стоя распевал его вместе с хором из тысячи других детей под руководством маэстро Валерия Гергиева.

Главной темой той церемонии было культурное наследие России, и именно этим она мне понравилась, ведь и для меня страна, где я родилась и выросла, важна прежде всего своей культурой, которой я пропитана с ног до головы. Все СМИ отметили тогда, что «среди ведущих исполнителей перед зрителями предстали посол «Сочи 2014», дирижер Валерий Гергиев, дирижер и альтист Юрий Башмет, пианист Денис Мацуев, певица Хибла Герзмава и скрипачка Татьяна Самуил, артисты Большого и Мариинского театров». Но были и многие другие.

© N. Sikorsky

Постановщиком же церемонии был швейцарский режиссер, хореограф, писатель и клоун Даниэле Финци Паска, с которым я познакомилась пять лет спустя, когда он руководил традиционным «Праздником виноделов» в Веве. И вот тогда, сидя с ним за завтраком в отеле Trois Couronnes, с террасы которого открывается умопомрачительный вид на Женевское озеро, и беседуя о любви моего собеседника к Чехову, я не удержалась и задала ему вопрос про ту церемонию, напомнив, что большинство писателей, чьи огромные портреты гордо несли ее участники, в России пострадали – они были либо физически уничтожены, либо морально сломлены, вынуждены уехать, их книги были запрещены. Вот его ответ, в задумчивости: «Я знаю, я знаю, я знаю… В любой структуре – от семьи до государства – случается, что новые идеи не воспринимаются, не принимаются, встречают сопротивление. И Россия – не исключение. Вообще, работа над церемонией в Сочи чем-то напоминала танец: шаг назад, шаг вперед. Я сразу предложил вывести на первый план 12 писателей, ведь 12 – символическая цифра. Мне сказали: хорошо, но давай четырех. И так мы «танцевали» в течение многих месяцев: шесть, восемь… *(Смеется)* Всего за два дня до представления на репетиции несли все же 12 портретов! В целом, это был фантастический опыт, особенно в обстановке крайней политической напряженности.»

Я жалею теперь, что не уточнила, какими же четырьмя хотели ограничить русскую литературу «ответственные лица»! А «крайняя политическая напряженность», как известно, не ослабла. Через считанные недели спустя после Олимпиады Крым стал «нашим», со всеми вытекшими оттуда последствиями. Но не буду забегать вперед.

И это было… © N. Sikorsky

На церемонии несли портреты не только писателей, русская культура была

представлена также живописью, музыкой, театром и даже цирком.

Часть, посвященная русской живописи, называлась «Мир Малевича, Кандинского, Шагала». Стоит напомнить, что в разной степени все трое столкнулись с давлением советской культурной политики. Казимир Малевич пережил наиболее жёсткое преследование: арест, хоть и кратковременный, в 1930 году, обвинения в формализме и постепенную изоляцию от официальной художественной сцены. Василий Кандинский не подвергался прямым репрессиям, однако его абстрактная эстетика оказалась несовместимой с новой советской идеологией, что привело к эмиграции и последующему замалчиванию в СССР. Марк Шагал скорее оказался в ситуации эстетического конфликта и институционального вытеснения: он покинул Россию без преследований, но его имя надолго исчезло из советского канона. Зато в эти дни в Пушкинском музее в Москве проходит выставка «Марк Шагал. Радость земного притяжения», и на нее не попасть – все билеты проданы.

В качестве иллюстрации к части «Театр» перед зрителями предстали красно-золотой «Большой» и сине-золотой «Мариинский» театры – две главные оперно-балетные сцены страны. С 2024 года обеими руководит Валерий Гергиев, в ноябре 2025-го сказавший в интервью газете «Коммерсант»: «Цари, которые создавали эти два театра, были не глупее нас. Существовала даже единая Дирекция Императорских Театров, принимавшая решения насчет постановок <…> Был человек, которому доверял царь-государь. Этот человек, как правило, хорошо понимал, каким должен быть театр, в который ходит российский император». Нужны ли комментарии?

Перевернутая деревня Марка Шагала © N. Sikorsky

По ходу действия к танцорам кордебалета постепенно присоединились персонажи из постановок «Русского балета» Дягилева: Золотой раб, Зобеида, Роза и Умирающий лебедь. Сергей Дягилев – фигура особая: не вступая в конфликт с государством внутри страны, он, столкнувшись с невозможностью реализовать свои замыслы в имперской и затем в советской системе, страну эту покинул и фактически вынес русскую культуру за её пределы, превратив её в международный проект. Его *Ballets Russes* стали пространством, где Россия существовала не как политическая реальность, а как художественный миф, созданный усилиями Стравинского, Нижинского, Бакста, Бенуа и других. Его судьба – сознательный выбор космополита, Дягилев стал медиатором между русской традицией и европейским модернизмом, показав, что «русскость» может существовать как стиль и энергия, а не как география.

Как забыть Второй концерт Рахманинова в исполнении Дениса Мацуева, последние четыре года в западном мире не выступающего, а в Сочи выступавшего в окружении 62 роялей? Сергей Рахманинов, много лет живший в Швейцарии и здесь же, в Люцерне, давший летом 1939 года свой последний европейский концерт! После революции 1917 года его усадьбу Ивановка, где как раз и был написал Второй фортепианный концерт, разграбили мародеры, архивы и личные вещи были в основном утрачены. Это стало для Рахманинова тяжёлым ударом и одним из факторов его окончательного решения не возвращаться в Россию после эмиграции – такое решение композитора, никогда публично не вступавшего в идеологические споры, означало тихое, но однозначное несогласие с новым порядком, что не мешало его продолжавшемуся диалогу с Россией через музыку. (На церемонии звучала музыка многих других композиторов, и я не могу не вспомнить, как французский

телекомментатор представил своей аудитории «Шостаковича, известного музыкой к фильму Eyes Wide Shut»!)

Сергей Рахманинов, Денис Мацуев и 62 рояля © N. Sikorsky

В литературной же части портретов было гораздо больше, чем двенадцать. Даниэле Финци Паска назвал это число символическим, имея в виду, вероятно, 12 месяцев года или 12 знаков зодиака, а может, 12 колен Израилевых или 12 апостолов. Но в контексте русской литературы сразу возникает другая ассоциация – с поэмой «Двенадцать» Александра Блока, умершего в августе 1921 года практически в нищете. В этой поэме, напомню я для моих не русских читателей, двенадцать красногвардейцев одновременно напоминают и апостолов, и уличный патруль революционного Петрограда, а число 12 становится как символом разрушения старого мира, так и намёком на возможное новое «евангелие» истории. Финальный образ Христа, идущего впереди отряда, закрепляет эту двойственность: двенадцать превращаются не просто в политический символ, а в мистическую формулу переходной эпохи, где революция воспринимается как событие почти апокалиптического масштаба.

Федор Достоевский, Лев Толстой, Лев Гумилев, Антон Чехов, Николай Гоголь, Михаил Лермонтов © N. Sikorsky

Кто же были «двенадцать», кого Даниэле Финци Паска вывел на первый план? Александр Пушкин, Лев Толстой, Федор Достоевский, Николай Гоголь, Иван Тургенев, Антон Чехов, Владимир Маяковский, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Иосиф Бродский, Михаил Булгаков, Александр Солженицын. Их шествие комментатор швейцарского канала RTS пояснил своим зрителям так: «Неизвестная Ахматова, не то, что Толстой». Ну что тут скажешь?! «Неизвестная Ахматова!» Анна Андреевна – трагический символ поэта, оставшегося внутри системы и расплатившегося за независимость личной жизнью: расстрел первого мужа, поэта Николая Гумилёва, многолетние аресты сына, Льва Гумилёва, запреты на публикации и официальная травля превратили её биографию в живое свидетельство давления власти на культуру.

Владимир Маяковский, Александр Куприн, Осип Мандельштам © N. Sikorsky

Я могла бы прокомментировать каждую из двенадцати и всех остальных фамилий, но боюсь, вы не дочитаете текст до конца. Поэтому скажу лишь, что, при всех их различиях, для этих первых двенадцати русская литература стала пространством постоянного напряжения между государством, личной свободой и историей. Уже у Пушкина и Гоголя появляется модель писателя, существующего между властью и внутренней независимостью; у Толстого, Достоевского и Тургенева эта дилемма превращается в философский спор о судьбе России и её месте в Европе, который продолжает, переводя его в регистр личной ответственности каждого, Чехов, труп которого был доставлен в Россию из Германии в вагоне с устрицами! У представителей следующего поколения этот конфликт лишь обострился: Владимир Маяковский, ставший поэтом революции, 14 апреля 1930 покончил жизнь самоубийством, Анна Ахматова и Марина Цветаева, повесившаяся в 1941 году, пережили давление эпохи как личную трагедию; Михаил Булгаков и Иосиф Бродский

сталкиваются с гонениями и невозможностью уехать в первом случае и изгнанием во втором, а у Александра Солженицына, как бы мы не относились к нему лично и к литературным качествам его произведений, литература становится прямым свидетельством исторического опыта репрессий.

Марина Цветаева, Михаил Булгаков, Владимир Набоков © N. Sikorsky

Помимо этих двенадцати на моих собственных сделанных тогда фотографиях я узнаю Александра Куприна, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Михаила Зощенко, Ивана Бунина, Сергея Есенина, Максима Горького, Владимира Набокова… За каждым именем – особая драма, а то и трагедия. И вдруг рядом с ними – портрет почти забытого сегодня Михаила Шолохова, получившего в 1965 году Нобелевскую премию по литературе. Вы думаете, кто-то поинтересовался мнением Пастернака насчет соседства его портрета с портретом Шолохова, травившего в 1958 году его самого, в 1965-м требовавшего казни Даниэля и Синявского, выступавшего против Солженицына и заклинавшего Брежнева бороться с сионизмом? Или мнением Шагала по поводу организации сегодня его выставки в Москве? Конечно, мои вопросы риторические.

Михаил Шолохов, Иван Бунин, Михаил Зощенко © N. Sikorsky

Во все времена и при всех режимах культура использовалась в целях пропаганды и манипулирования общественным мнением. Русская культура сложна и противоречива, но именно в ней ключи к моральным вопросам, не дающим многим из нас спать по ночам. Те лучшие ее представители, чьи портреты несут сегодня по самым разным поводам и в сопровождении самых разных комментариев, не в ответе ни за тех, кто несет, ни за их комментарии – они могут постоять за себя только тем, что создали сами! Давайте не будем валить всех в одну кучу и навешивать ярлыки, фактически уступая право на гениев тем, кому они принадлежат не больше, чем нам с вами. **Любая власть временна, а высокая культура вечна.** Вот такими мыслями мне захотелось поделиться с вами в эту годовщину закрытия Олимпийских игр в Сочи и в канун четвертой годовщины начала войны в Украине. Надеюсь, вы правильно меня поймете.

© N. Sikorsky
русская культура в Европе
русская культура в Швейцарии
русская культура в изгнании

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/komu-prinadlezhit-russkaya-kultura*